

RU

Владимир Маяковский в публицистике харбинского поэта Василия Логинова

Лощилов И. Е.

Аннотация. Цель исследования – поиск ответа на вопрос, в чем состояла специфика отражения поэзии, личности и судьбы Владимира Маяковского в публицистическом наследии харбинского поэта, прозаика и журналиста Василия Степановича Логинова (1891 – 1945/1946?). Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые вводятся в научный оборот четыре корреспонденции Логинова в харбинской газете «Гун-Бао», содержащие упоминания или развернутые суждения о Маяковском. Восприятие и оценка Владимира Маяковского в среде эмигрантов первого поколения стран Азиатско-Тихоокеанского региона изучены недостаточно. В результате показано, что политически и эстетически консервативный литератор первого поколения русской эмиграции Василий Логинов хорошо знал и высоко ценил творчество Маяковского, несмотря на решительное неприятие его политической позиции и программы эстетического обновления. Это можно объяснить принадлежностью столь различных литераторов к одному культурному полю русской словесности 1910-х годов, включавшей в себя разнородные влияния, от Валерия Брюсова до футуристов и поэтов круга журнала «Сатирикон». Показано также, что Маяковский не оказал существенного влияния на поэтику стихотворений и поэм Василия Логинова, однако в первой его поэтической книжке (попутно уточняется год ее издания) при внимательном чтении можно найти отголоски дореволюционной поэзии Маяковского.

EN

Vladimir Mayakovsky in the journalistic writings of the Harbin poet Vasily Loginov

Loshchilov I. E.

Abstract. The aim of the study is to find an answer to the question of how the poetry, personality and fate of Vladimir Mayakovsky reflected in the journalistic heritage of the Harbin poet, prose writer and journalist Vasily Stepanovich Loginov (1891 – 1945/1946?). The study is novel in that it introduces into scientific use four pieces of correspondence by Loginov in the Harbin newspaper “Gong-Bao” containing references or detailed judgments about Mayakovsky. The perception and assessment of Vladimir Mayakovsky among first-generation emigrants from the countries of the Asia-Pacific region have not been sufficiently studied. As a result, it is shown that the politically and aesthetically conservative writer of the first generation of the Russian émigré community Vasily Loginov knew well and highly appreciated Mayakovsky’s creative work, despite the decisive rejection of Mayakovsky’s political position and programme of aesthetic renewal. This can be explained by the fact that so many different writers belonged to the same cultural field of the Russian literature of the 1910s, which included diverse influences, from Valery Bryusov to the futurists and poets of the Satyricon magazine circle. It is also shown that Mayakovsky did not have a significant influence on the poetics of Vasily Loginov’s poems, however, upon careful reading, one can find echoes of Mayakovsky’s pre-revolutionary poetry in Loginov’s first poetry book (the year of its publication is also specified in the paper).

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью воссоздания целостной картины восприятия фигуры Владимира Маяковского в первые годы после его трагической гибели. Если советские источники хорошо изучены и описаны, то об эмигрантской рецепции стали писать только в конце 1980-х гг., в первую очередь на материале печатных источников западной эмиграции (Берлин, Прага, Рига, Париж).

На примере корреспонденций ныне почти забытого, но важного в литературной жизни русского Харбина литератора Василия Логинова в газете «Гун-Бао» показана специфика и неоднозначность в восприятии поэзии

и личности Маяковского. Таким образом, работа вносит дополнительные штрихи в картину восприятия Маяковского современниками и служит возвращению имени Василия Логинова в общую картину русской словесности XX столетия, показывает его не столько как поэта и прозаика, сколько в качестве пронизательного читателя и литературного критика.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- во-первых, собрать и систематизировать публицистические тексты Василия Логинова, где упоминался Маяковский и высказывались суждения о его судьбе и литературном творчестве;
- во-вторых, определить специфику восприятия Маяковского поэтом «классической ориентации», принадлежавшим к старшему поколению харбинских литераторов;
- в-третьих, воссоздать ближайший литературный и политический контекст публикаций Логинова в газете «Гун-Бао»;
- в-четвертых, определить и показать черты неприятия политической позиции Маяковского наряду с высокой оценкой его поэтического таланта и глубоким сочувствием к его трагической судьбе.

Материал и задачи работы диктуют контаминацию методов исследования: историко-функционального (рецептивного) и описательного. Благодаря использованию историко-функционального (рецептивного) метода выявлены характерные черты восприятия Логиновым поэзии и личности Маяковского как частного случая циркуляции его образа в восприятии современников. Использование описательного метода позволило изучить рецепцию Маяковского в хронологической и логической последовательности, на достаточно широком фоне литературных явлений и событий жизни русского Харбина.

Теоретической базой исследования стали научные публикации, посвященные, с одной стороны, рецепции Маяковского в первом поколении эмигрантов (Терехина, 1993; Селезнев, 2003; Маяковский в критике..., 1992; Первая эмиграция..., 1992), с другой – работы, посвященные литературе и литературному процессу русской эмиграции Тихоокеанского региона (Эфендиева, 2013; Хисамутдинов, 2017; Пасевич, 2019; Шатин, Силантьев, 2022; 2023).

Практическая значимость заключается в том, что исследование и его результаты могут быть использованы в практике преподавания историко-литературных дисциплин, спецкурсов и семинаров. Особую актуальность проблематика исследования обретает в контексте 130-летнего юбилея Владимира Маяковского.

Источниковой базой исследования являются четыре разножанровых публицистических сочинения Логинова, где упоминается имя Маяковского; они вводятся в научный оборот впервые. Кроме этого, для воссоздания контекста используются публикации из харбинских газет «Гун-Бао», «Заря» и «Рупор», а также мемуарные и художественные произведения современников Логинова:

- Астахов Л. С. Чураевка // Заря. 1930. № 132. 16 мая.
- В «Молодой Чураевке» // Гун-Бао. 1930. № 1047. 15 мая.
- Волин М. Гибель Молодой Чураевки // Новый журнал. 1997. Кн. 209.
- Зарубежная деятельность сибиряков (Анкета) // Вольная Сибирь: общественно-литературный и экономический сборник [Volná Sibiř. Veřejný, literární a hospodářský sborník]. Прага: Общество сибиряков в ЧСР, 1930. Вып. IX.
- Капитан Кук [Логинов В. С.] Харбин в стихах (Бытовые картинки). Харбин, 1927.
- Крузенштерн-Петерец Ю. В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5.
- Лингва [Логинов В. С.]. Война с лошадьми [Маленький фельетон] // Гун-Бао. 1931. № 1435. 21 августа.
- Логинов В. Всё то же // Гун-Бао. 1931а. № 1320. 3 апреля.
- Логинов В. О русском ниществе // Гун-Бао. 1931б. № 1250. 11 января.
- Логинов В. Пасхальная лирика // Гун-Бао. 1931с. № 1327. 12 апреля.
- Логинов В. Первый номер «Сатирикона» // Гун-Бао. 1931д. № 1336. 24 апреля.
- Логинов В. Производственность как поэтический мотив // Гун-Бао. 1931е. № 1286. 22 февраля.
- Перелешин В. Поэма без предмета. Холиок: Нью Ингленд Паблшинг и К°, 1989.
- Штерн О. Зачем нужна была Маяковскому желтая кофта: на доклад о Маяковском в «Молодой Чураевке» // Рупор. 1932. № 111. 24 апреля.
- Щеголев Н. А. Победное отчаянье: собрание сочинений / сост. А. А. Забияко и В. А. Резвого. М.: Водолей, 2014.

Обсуждение и результаты

Поэт, прозаик и журналист Василий Степанович Логинов (1891 – 1945/1946?) принадлежал к старшему поколению харбинских литераторов; он был на два года старше Владимира Маяковского. Логинов принимал участие в собраниях поэтов «Молодой Чураевки», но воспринимался харбинской поэтической молодежью как старший – и по возрасту, и по литературному опыту: «Иногда выступал поэт Василий Логинов, который, особенно нам, молодым, казался Мафусаилом» (Волин, 1997, с. 220). В анкете 1930 года Логинов сообщал о себе: «Отец имел огромные лесопромышленные предприятия на Урале и Сибири. <...> С 1908 по 1913 г. учился в Санкт-Петербургском императорском университете, где и закончил свое образование на юридическом факультете. По окончании университета, вошел в торговопромышленное дело отца. Но коммерческими способностями никогда не блистал, тяготел к классицизму, литературе и поэзии» (Зарубежная деятельность..., 1930, с. 117).

Литературные пристрастия и ориентиры Логинова были весьма консервативны. Журналистка Евгения Александровна Сентянина (1892-1980) писала в 1940 г.: «Как поэт, Василий Логинов является классиком, – ему любя строгая форма. Взор его обращен чаще назад, чем вперед: он охотнее вспоминает, чем пророчествует» (Цит. по: Материалы к творческим биографиям..., 2012, с. 237). Общим местом в немногочисленной литературе о нем стало определение его как «поэта Брюсовской школы»; автор этих строк в двух недавних публикациях отметил еще одно заметное влияние: поэты круга журнала «Сатирикон» (Лощилов, 2021; 2023). Просмотр корреспонденций Логинова (1931с; 1931d) в газете «Гун-Бао» подтверждает его особый интерес к сатириконцам, в первую очередь к Саше Черному и Петру Потемкину. Внимание современных исследователей привлекает и достаточно «традиционная» проза Логинова (Шатин, Силантьев, 2022; 2023). Тем неожиданнее и показательнее несколько высказываний Логинова о Маяковском в корреспонденциях из харбинской газеты «Гун-Бао», выходявшей в 1927-1937 гг.

Юстина Владимировна Крузенштерн-Петерец (1903-1983) вспоминала о днях своей юности: «Через год я перешла в “Гун-бао”, самую богатую в Харбине газету, вполне русскую, несмотря на китайских издателей. Говоря об официозах, следует сказать, что настоящим официозом была в Харбине выходявшая еще задолго до революции и некоторое время после нее газета “Юань-дун-бао”. Выходила она на китайском языке, получая ассигнования от российского консульства <...>. Преемницей газеты “Юань-дун-бао” стало китайское издание газеты “Гун-бао”. Параллельно стала выходить газета того же названия на русском языке. “Гун-бао” – по-русски “Общественная газета”. В Китае это название очень распространено, почти в каждом городе есть своя “Гун-бао” <...>. Организация обеих харбинских “Гун-бао”, китайской и русской, была так завуалирована, что многие считали их официозами. <...> Газета выходила на двух языках, причем каждое издание было совершенно самостоятельным» (1998, с. 67).

В 1928-1930 гг. редактором русской редакции газеты был Всеволод Никанорович Иванов (1888-1971), инициатор издательства «Бамбуковая роща», где в 1930 г. была издана книга рассказов Логинова «Ял-Мал»; во время, когда печатались содержащие упоминания о Маяковском статьи и фельетоны Логинова, у газеты был китайский редактор, Гуань Хун-и (Кудрявцев, 2011, с. 223-225), также покровительствовавший Логинову. В авторских примечаниях к написанной онегинскими строфами автобиографической «Поэме без предмета» поэт Валерий Францевич Перелешин (Салатко-Петрище, в монашестве Герман; 1913-1992) сообщал о нем: «Издатель газеты “Гун-бао”, выходявшей по-китайски и по-русски. Василию Степановичу он предоставил комнатку при типографии. Гуань Хун-и окончил русский Харбинский Юридический Факультет по Юридическому Отделению в 1931 году» (1989, с. 357). В соответствующей строфе Перелешин писал о Логинове: «Давно бы умер в нем писатель, / но крылья ласковый издатель / китайско-русский – Гань Хун-и / над ворчунном простер свои / и взял его на “фикс”. Вдобавок / хотел построчные платить, / чтоб Логинова вдохновить / благоуханьем высших ставок. / Но тот не верил в толстый икс / и в тощий втискивался “фикс”» (1989, с. 339). (Под «фиксом» подразумевается ставка постоянного сотрудника газеты.)

Логинов систематически писал для «Гун-Бао» статьи, рецензии и фельетоны в газете. Тематический диапазон этих публикаций был более чем широк: от вопросов быта русских в Харбине до сюжетов из античной истории. Особый интерес представляют публикации о русских классиках (Державин, Гончаров, Чехов), а также о современной советской (Пильняк, Маяковский, журнал «Сибирские огни») и эмигрантской (Алданов, Осоргин, журнал «Современные записки») литературе.

В исследованиях и публикациях, посвященных восприятию Маяковского «всеми без исключения разноликими политическими течениями и эстетическими группировками первой эмиграции» (Селезнев, 2003, с. 205), неоднократно отмечалось, что он воспринимался эмигрантами в первую очередь как поэт политический, классово ангажированный (Маяковский в критике..., 1992; Первая эмиграция..., 1992; Терехина, 1993; Селезнев, 2003). «Русская пресса в Париже, Варшаве, Праге, Риге, Берлине была по преимуществу лево-либеральной, а в Белграде и Софии – право-консервативной, монархической; и весь “букет”... имелся в Китае (Шанхае и Харбине), где в 1920-30-е годы выходило свыше 40 русских газет и журналов» (Селезнев, 2003, с. 205); см. также работу (Пасевич, 2019).

Четыре корреспонденции Логинова в «Гун-Бао», содержащие упоминания о Маяковском, принадлежат различным жанрам. Это рецензии на свежие выпуски журналов («Производительность как поэтический мотив» – на восьмую книгу новосибирского журнала «Сибирские огни» за 1930 год, «Всё то же» – на № 11-12 пражской «Воли России» за тот же год), историко-литературный очерк «О русском нищезанстве», наконец, памфлет «Война с лошадьми», где имя Маяковского появляется особенно неожиданно.

В статье «О русском нищезанстве», посвященной преимущественно старшему поколению русских символистов, Логинов вспоминает и о футуристах: «Между акмеизмом и имажинизмом ярко вклинились футуристы – эго и кубо – с Маяковским, Каменским, Бурлюками и, в особенности, с, как его кто-то удачно назвал, эзотерическим классиком недалекого будущего Велимиром Хлебниковым» (1931b, с. 3). Это – чистая констатация, отказ от суждений и оценок. Вместе с тем уже здесь есть некоторый образ прошлого времени.

Пренебрежительная рецензия на «Сибирские огни» включает критический пассаж о сибирских поэтах, зависимых от прагматизации поэтического слова, наметившейся в работе Маяковского и вслед за ним в советской поэзии 1920-х гг. Он выделен как хронологически первый и лучший, самый талантливый: «Если мы сейчас перейдем от художественной “производительной” прозы к “производительной” поэзии, то, прежде всего, сразу должны отметить невероятную ее банальность. В самом деле: во времена Маяковского все это было ново и поражающе воображение. Изысканные необыкновенные стихи Асеева о фабрике производили отличное впечатление. Теперь же чувствуются однообразные перепевы одного и того же. <...>

Нельзя сказать, чтобы все это было очень картинно и выразительно, принимая во внимание наскучивший всем, неметрический размер стиха, вошедший в советскую моду со времен Маяковского. Уж если писать о фабриках, о заводах, о кипучей, грохочущей промышленной жизни – должна быть *динамика*, должен быть *пафос*. <...> Какая-то Лена Жилкина написала длиннейшее стихотворение под Маяковского и назвала его: “В депо”. “На темных скатах / В очередь вагоны. / Потееют стены, / Слизывая гарь. / У жарких топков / Все сильней загар. / Часы устали / Мерить / Дня разгоны. / Но крепко жмут / Железо / Рычаги. / Визжат болты, / Вздыхают тихо гайки”. И так далее: журчит женская производственная пошлость» (Логинов, 1931е, с. 2). Речь идет о стихотворении сибирской (тогда иркутской) поэтессы Елены Викторовны Жилкиной (1902-1997), упоминаются также «производственные» стихи Александра Ивановича Смердова (1910-1986) и Василия Иннокентьевича Непомнящих (1907-1954).

Наиболее развернутое высказывание о Маяковском содержит рецензия на выпуск пражского журнала «Воля России», большая часть материалов которого была связана с поэтом и его недавней трагической гибелью. Логинов начинает, однако, с напоминания о недавнем событии харбинской литературной жизни: «Только что прошел вечер поэтов и литераторов в Комсобе, вечер, наполовину посвященный Маяковскому – железобетонному сердцу, по выражению кого-то, барабанщику революции, барабанщику искусства, русскому Маринетти, урбанисту по преимуществу, поэту народных толп, обладавшему огромным четырехугольным ртом, из которого, как из бездны, извергались оглушительные слова: “Левой, левой, левой...”». Поэт самолично свел расчеты с жизнью, совершенно так же, как его нежнейший антипод Есенин, ибо оба встали в непримиримое противоречие с бытом» (1931а, с. 2). Речь идет о посвященном Маяковскому вечере в зале харбинского «Коммерческого собрания», приуроченном к годовщине его самоубийства. Впервые «Молодая Чураевка» почтила память поэта через месяц после гибели, 13 мая 1930 г. (Астахов, 1930, с. 3; В «Молодой Чураевке», 1930, с. 5). Писавшие о вечере отмечали доклад Петра Петровича Лапикена (1907-1983) и посвященные Маяковскому стихи, которые читал на вечере Николай Александрович Щеголев (1910-1975), где были строки: «Покрывая рев площадей, / голос твой, исполненный силы, / с ураганом печатных идей / и на Дальнем Востоке носило» (Астахов, 1930, с. 3). В собрании сохранившихся поэтических сочинений Щеголева (2014) этих строк нет. П. Лапикен и Н. Щеголев принадлежали к более молодому поколению харбинских литераторов, и их увлечение Маяковским с его эстетической и поэтической «левизной» не вызывает удивления (особенно в случае Щеголева, у которого была репутация «маяковца»). «К дню второй годовщины со дня смерти В. Маяковского были прочитаны “Автобиография поэта” и “Маяковский в 1913 г.” – из книги Б. Лившица “Полутораглазый стрел”» (Диао Шаохуа, 2003, с. 225).

В пассаже, посвященном перепечатанной пражским журналом комедии Маяковского «Баня», Логинов проясляет исключительную тонкость поэтического слуха, способность расслышать и понять поэта в обход его политического «ангажмента»: «В последнем номере “Воли России”, вышедшем в Праге в текущем году, помещено последнее крупное произведение Маяковского – “Баня”, – драма в шести действиях “с цирком и фейерверком”, являющаяся злой сатирой на коммунистические верхи, где читатели узнают главных героев пьесы Луначарского и Горького. Нельзя назвать это произведение блестящим, в особенности по сравнению с ранними произведениями Маяковского, но в нем есть некий “Марш Времени”, – обычное стихотворение стиля Маяковского, написанное короткими рваными строчками, и в нем звучит непередаваемая предсмертная грусть, которая сквозит среди дифирамбов пятилетке и коммуне, через квази-ударный тон коммунистического агит-поэта: “Впе-/ред, / Вре-/мя. / Время, вперед. / Вперед страна, скорей моя. / Пускай / старье / сотрет. / Вперед, время. / Время, вперед, / пусть вымрет быт-урод”. Быт-урод не только не умер, – он сам убил Маяковского, и этот монотонный припев: “вперед время, время вперед”, звучит и грустью, и отчаяньем, и полной безнадежностью, несмотря на казенную браваду» (1931а, с. 2).

Еще большее понимание и сочувствие слышно в разборе цикла стихотворений Марины Цветаевой «Маяковскому», который он называет поэмой: «В том же номера “Воли России” – большая поэма Марины Цветаевой, которая называется “Маяковскому”, где эта идея поглощения Маяковского бытом выражена так резко и ясно, что дальше идти некуда. Старое некрасовское выражение: братья писатели в нашей судьбе что-то лежит роковое <стихотворение Н. А. Некрасова “В больнице” (1855) цитируется неточно. – И. Л.>, – еще лишний раз подтверждается этой замечательно сильно написанной поэмой.

Тирада о братьях писателя <так> усиливается еще новой идеей: все то же... Все то же, что было и сто лет тому назад, и теперь происходит и будет происходить в будущем. И не только здесь, на земле, но и на небесах, не только в теперешней России, но и в некрасовской России, – это перманентное, тягучее, убивающее человека, его личность, его творчество, – “все то же”. <...> Это мрачное, дико-пессимистическое мироощущение, пожалуй, несколько не менее значительно и трагично, чем ставшее трафаретным некрасовское выражение о “братьях писателях” и их роковой судьбе, ибо и здесь их роковая судьба продолжается. Вот Маяковский на небе встречается с Сергеем Есениным <...> Ведь так и полагается быть поэту, хотя это и стыдно, и совестно, – вопрос только, кому, – самому ли горевшему и стрелявшемуся поэту, или кому-либо другому. А, по существу, конечно, это не хорошо, ибо что хорошего, когда человек стреляется или сторает от водки. “Негоже, Сережа. / Негоже, Володя”. Прахом пошла русская поэзия и русские поэты, и именно всегда шли и будут идти прахом, – такова их участь, а почему – неизвестно, и кто от этого страдает – тоже неизвестно: сама ли по себе русская поэзия и русские поэты, Россия ли, общечеловеческая культура, искусство вообще, или вообще человеческая жизнь, независимо от нации и политики. Тут же, на небесах, и Маяковский, и Есенин продолжают свой разговор, указывая на тени тех, кто отошел приблизительно таким же неестественным путем в царство небесное. <...> Кровавая рогажа

на полной подводе, – вот характерный символ русской пишущей братии, которая, как оказывается, видит повторение своей судьбы и на том свете, ибо мертвые Есенин и Маяковский и на том свете решили по этому случаю быть бунтарями. <...> И мертвый Есенин так заканчивает свой ужасающе-пессимистический диалог с мертвым Маяковским. “А коли все то же, / Володя, мил друг мой, – / *Вновь руки наложим, / Володя, хоть рук и нет. / И на рас-тревоженном / Нами Восходе, – / Заложим, Сережа, / Заложим, Володя*”. Вот последний призыв поэтических мертвецов, собственной жизнью и собственной смертью познавших эту ужасную истину, что “в Мире – все то же” (Логинов, 1931а, с. 2). Отметим, что год спустя литературный критик О. Штерн (псевдоним Дмитрия Григорьевича Сатовского-Ржевского (1900-1944) (Хисамутдинов, 2017, с. 123, 136)) на страницах харбинской газеты «Рупор» высказывал прямо противоположную оценку цветаевского цикла: «Даже бесспорно умная и уже конечно талантливая М. Цветаева написала на смерть его прямо-таки изумительно бездарную поэму, внутреннего убожества и неискренности которой не может скрыть даже самая напряженная нарочитость этого произведения» (1932, с. 6).

«Война с лошадьми» – острый памфлет на советскую действительность, во многом предвосхищающий знаменитую «Ферму животных» Дж. Оруэлла (1945). Он был напечатан под постоянным псевдонимом Логинова «Лингва». Современные исследователи отмечают, что Логинов в повести «Царство Ял-Мал (Полуистлевшие письма в шкапулке)» «хоть и ненамного, но все же хронологически опередил находки таких мастеров антиутопии, как Евгений Замятин с его знаменитым романом “Мы”» (Шатин, Силантьев, 2022, с. 278). Действие происходит в конюшне, а персонажами являются козел Васька, жеребец, «по-купрински» названный Изумрудом, и толстовский Холстомер. В этом причудливом мире появляется «Домовой, удивительно похожий сейчас на знаменитого вахмистра Буденного; такие же огромные усы, грустные брови, начальственные жесты» (Лингва, 1931, с. 5), и учреждает Союз Советских Лошадиных Республик – С. С. Л. Р. Отсылка к стихотворению Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» (1918) в этом экзотическом контексте производит почти сюрреалистическое впечатление: «Еще когда-то покойный человеческий поэт Маяковский сказал похвальное слово лошади и закончил его замечательной фразой: все мы немножко лошади...» (Лингва, 1931, с. 5). Это – сочувственная отсылка не только к стихам Маяковского, но и к его трагической судьбе («покойный»). Значение эпитета «человеческий» значимо раздваивается: с одной стороны, слово употребляется в оценочном значении «человечности», с другой – читатель осознает, что действие происходит в фантастическом мире, где наряду с «человеческими» поэтами возможны, вероятно, и лошадиные, и козлиные, и коровьи.

В поэзии Логинова отголосков лиры Маяковского почти не слышно. Тем не менее в стихотворении «Комсобр» из изданной под псевдонимом «Капитан Кук» книжки можно предположить, наряду с влиянием сатириков, и некоторое ученичество у Маяковского: здесь встречаются стихи разной длины и характерные для его поэтики рифмы на слова с уменьшительными суффиксами: «Арфа рокошет робко аккордами. / Бум! гремит барабан. / Над звериными лицами, над человечьими мордами / Сверкает медью труба. // Что понимают эти канотье и картузики / И их дамы – с бюстом в пуд? / Всплески томительной изысканной музыки / Их не захлестнут» (1927, с. 33). Эти строки были написаны еще при жизни Маяковского: во всех харбинских библиографиях книжка «Капитана Кука» отмечена 1932 годом, но это результат недоразумения, связанного с инскриптом Елене Жемчужной, который действительно был сделан в 1932 году (Эфендиева, 2013, с. 313). Однако уже в анкете 1930 г. Логинов писал: «Издаю небольшую книжку юмористических стихов-фельетонов – “Харбин в стихах”, под псевдонимом капитан Кук» (Зарубежная деятельность..., 1930, с. 117). Окончательную ясность датировки вносит парижский журнал «Современные записки», где «Харбин в стихах» присутствует в «Списке новых книг, поступивших для отзыва в редакцию» (Современные записки: общественно-политический и литературный журнал. 1927. Вып. XXXII, с. 503).

Заключение

Основные выводы работы могут быть сведены к нескольким положениям. Василий Логинов как поэт принадлежал русской поэтической культуре 1910-х годов; дореволюционное университетское образование отличало его от младших поэтов, посещавших поэтическую студию кружка «Молодая Чураевка», среди которых были поклонники Маяковского (Николай Щеголев, Петр Лапикен). Несмотря на присущий ему консерватизм и принадлежность к старшему поколению, Логинов хорошо знал творчество «левого» советского поэта Маяковского, что объясняется общностью одного из источников литературного творчества как Маяковского, так и Логинова (при всей их разномасштабности) – поэзии журнала «Сатирикон». Мы можем сделать также вывод о том, что Василий Логинов, при всем своем политическом и эстетическом консерватизме, высоко оценивал поэзию Маяковского, и это отличает публицистику Логинова от основной массы откликов на поэзию Маяковского в эмиграции как Запада, так и Востока.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы нам видятся в продолжении розысков и в интерпретации следов влияния Маяковского и прямых высказываний о нем в литературном наследии Василия Логинова.

Источники | References

1. Диао Шаохуа. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. 2003. № 4 (866).
2. Кудрявцев В. Б. Периодические и неперіодические коллективные издания русского зарубежья, 1918-1941: опыт расширенного справочника: в 2-х ч. М.: Русский путь, 2011. Ч. 1. Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать.

3. Лошилов И. Е. Поэзия Василия Логинова: харбинский отголосок «Сатирикона» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 12.
4. Лошилов И. Е. Харбинский поэт Василий Логинов и его «масленичные» стихи // Критика и семиотика. 2023. № 1.
5. Материалы к творческим биографиям харбинских литераторов: по страницам эмигрантской периодики / сост., подгот. текстов и примеч. Г. В. Эфендиевой // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ. Благовещенск, 2012. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой.
6. Маяковский в критике русского зарубежья / публ. В. Н. Терехиной и А. П. Зименкова // Вестник Московского университета. Филология. 1992. № 4.
7. Пасевич З. В. Литературная критика на страницах газет «Русского Харбина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 6.
8. Первая эмиграция о Маяковском / вступ. ст., публ. и коммент. Л. А. Селезнева, В. Н. Терехиной // Литературное обозрение. 1992. № 3/4.
9. Селезнев Л. А. Творчество В. В. Маяковского в оценке деятелей первой русской эмиграции: библиография // Маяковский продолжается: сб. науч. статей и публикация архив. материалов. М.: Государственный музей В. В. Маяковского, 2003. Вып. 1.
10. Терехина В. Н. Творчество В. В. Маяковского в критике русского зарубежья, 1920-1930-е гг.: дисс. ... к. филол. н. М., 1993.
11. Хисамутдинов А. А. Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае: материалы к справочнику // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. Вып. 7. Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях.
12. Шатин Ю. В., Силантьев И. В. Мифопоэтика Сибири в творчестве В. С. Логинова // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (66).
13. Шатин Ю. В., Силантьев И. В. Поэтика утопии vs антиутопии в прозе В. С. Логинова // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63).
14. Эфендиева Г. В. Книжные автографы писателей русского Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте: сб. мат. междунар. науч.-практ. конференции. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013. Вып. 10.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 19-18-00127 “Siberia and the Far East in the first half of the 20th century as a space for literary transfer”.

Информация об авторах | Author information

Лошилов Игорь Евгеньевич¹, к. филол. н.

¹ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск

Loshchilov Igor Evgenjevich¹, PhD

¹ Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

¹ loshch@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.10.2023; опубликовано online (published online): 05.12.2023.

Ключевые слова (keywords): Василий Логинов; Владимир Маяковский; Дальний Восток; рецепция; эмиграция; Vasily Loginov; Vladimir Mayakovsky; Far East; reception; emigration.